
ПАМЯТИ И. А. ОРБЕЛИ*

И. В. МЕГРЕЛИДЗЕ

Доктор филологических наук, профессор

С Иосифом Абгаровичем Орбели впервые я встретился осенью 1931 г. в Эрмитаже при осмотре выставки Отдела Востока, устроенной под его руководством.

Внешность И. А. Орбели была обаятельной: привлекательное лицо его украшали густые и длинные чуть с серебристым налетом черные волосы и борода, как смола, черная. Запомнились мне приподнятые брови и искрящиеся глаза, бархатный и динамичный голос с музыкальным тембром.

Мы сидели в его кабинете. Вошел один из сотрудников и начал жаловаться на то, что такой-то не выполняет задания. Орбели прогневаясь: «Сотрудник поручения не выполняет?! Не выполняет!... Попросите его сюда».

Жалобщик вышел, и Орбели, будто ничего и не случилось, спокойно продолжал разговор.

Пришел виновник. Орбели тихо спросил, в чем дело.

Вошедший начал оправдываться. Орбели отверг его доводы как неубедительные. Но тот продолжал стоять на своем. И опять взбушевал Орбели и так его отчитал... А потом отпустил с наставлением: «Срывается важное дело. Что можно выполнить за два-три дня, не следует растягивать на неделю». Провинившийся ушел. Орбели успокоился, заговорил мирно...

Вот таким он был в жизни: то как безмятежное море был спокойным, то как бурное — бушевал. В этом сказывалась его кавказская темпераментность. Динамично проходила вся его кипучая жизнь.

Вспыльчивый по природе, И. Орбели был очень чуток. Помню, вызывает он одну сотрудницу. Ответили, что ее нет. «Вот ее обыкновенная история», — вспылал Орбели. Но как только ему сообщили, что у сотрудницы заболел ребенок, он взволновался и сказал, что нужно повесить ее.

Однажды И. Орбели и я выходили из Эрмитажа вместе. Шел дождь. Я задержался одеть калоши. Он посмотрел на меня и спросил: «Вы знаете, что значит «посадили в калошу»? Никогда я их не носил» (Орбели всегда одевался легко—И. М.). Затем он добавил: «Бросили бы вы их, они замедляют жизнь». Я перестал носить калоши.

* Статья печатается в сокращениях.

О том, что Орбели златоуст, я слышал неоднократно, но тот, кто не присутствовал при выступлениях его, не может представить, каким блестящим оратором был он.

Кажется, это было в 1932 г. Крейсер «Аврора» стоял на том месте, откуда грянул по Зимнему. Демонстранты подошли к крейсеру. Из каюты вышел Орбели. Холодный ветер треплет незастегнутое пальто и развеивает волосы и бороду. А затем его речь... и несмолкаемые аплодисменты.

В аспирантуре АН я занимался под руководством акад. Н. Я. Марра. Мне было известно, что он и Орбели, раньше так сильно любившие друг друга, теперь не разговаривали, общаясь при необходимости через посредников. В середине октября 1933 г. Марр заболел и надолго слег. Орбели беспокоился и часто спрашивал о нем. Марр тоже иногда спрашивал об Орбели. Я почувствовал, что они хотят увидеть друг друга... Все устроилось. Когда Марр и я возвращались с прогулки, Орбели подошел, поздоровался и присоединился к нам. Мы вошли в подъезд. По лестнице Марр и я поднимались первыми, а Орбели шел за нами. Помню, они оба прослезились, стараясь скрыть это друг от друга. После вышеупомянутой встречи отношения между ними наладились.

После смерти Н. Я. Марра Орбели проявил исключительную чуткость к семье учителя.

Через год умер проф. Юрий Николаевич Марр. Большую заботу о матери умершего проявили И. И. Мещанинов, И. А. Орбели и И. Ю. Крачковский. Они нам помогли в проведении вечеров памяти Ю. Н. Марра и поддержали выпуск его посмертных трудов.

Также близко к сердцу принял Орбели кончины акад. С. Ф. Ольденбурга, А. В. Луначарского, выдающегося мастера сценического искусства К. А. Марджанишвили и многих других.

В июле 1935 г. я защищал кандидатскую диссертацию. Орбели пришел на защиту и выступил с полезными для меня пожеланиями, хотя и не был официальным оппонентом и мог не прийти, перегруженный делами Эрмитажа, директором которого он тогда являлся.

В конце 1935 г. защищал кандидатскую диссертацию С. Т. Еремян (ныне акад. АН Арм. ССР). Тема новая, важная. Все собрались, а диссертанта нет. Начинают расходиться. Первый официальный оппонент — Орбели взволнован больше других. Сдерживая себя, он курит папиросу за папиросой. Наконец, является диссертант, даже и не подозревая о своем опоздании. А многие-то разошлись... Защита все-таки состоялась. Орбели говорил: «Эта Академия старая или новая? Здесь должны были быть иранисты хотя бы ради одного слова «марзпан». Где же они, или кавказоведение — неофициальная наука?!».

Он так отчитал отсутствующих, что на следующие защиты являлись все.

Вечер, посвященный 15-летию Грузии, был назначен на 5 марта 1936 г. Некоторые из его устроителей опасались, что народу будет мало.

хотя мы знали, что интерес к Грузии в Ленинграде большой, и что он усилится тем, что на вечере выступает Орбели.

Случилось так, что розданные билеты были объявлены недействительными, их напечатали и раздали вторично. Произошло нечто невероятное: публику еще не пропускали в здание, а перед ним — более 2 тысяч, стремящихся попасть в зал, где было всего 900 мест!

Кончили пропускать по вторым пригласительным билетам. Молодежь бросилась к дверям... и выломала их. Милиция начала задерживать виновных... Волнение улеглось, но более ста задержанных собираются отправить в отделение милиции. Я забежал в здание и сообщил об этом Орбели. Он вышел и обратился к начальнику милиции с просьбой освободить задержанных. Начальник долго не соглашался. Орбели не ушел, пока не отпустили всех.

Мы вернулись в зал. Орбели говорит мне: «Не успел собраться с мыслями, надеялся это сделать здесь, но, вот, не вышло, приходится выступать совсем экспромтом». Он решительно поднялся на сцену и (с

Рис. 1. И. А. Орбели среди арабистов.

опозданием на целый час) открыл торжественное заседание. Иосиф Абгарович всегда выступал без «шпаргалки».

Будучи одним из лучших знатоков творчества народов Кавказа, Орбели в своих выступлениях искусно использовал легенды, басни, пословицы. И сегодня он привел одну из древнейших легенд, согласно которой Хайк (родоначальник армян) и Картлос (родоначальник грузин) были братьями. Они разделили землю. В уделе Хайка размножились его потомки — и образовалась Армения, а в уделе Картлоса его

потомки основали Грузию. Жители этих земель жили дружно, вели совместную борьбу против внутренних и внешних врагов. Эту легенду Орбели дополнил фактами из грузинской и армянской истории, говорил о культуре братских народов, о Руставели и вдруг по-грузински произнес афоризм поэта: «Расаца гаснем, шена; рас—ара, дакаргулиа» — и перевел: «Что отдашь, твоим пребудет, что оставишь — пропадет», заметив, что эти замечательные слова относятся, прежде всего, к нам, ученым, долг которых передать свои знания молодежи.

Он говорил в течение полчаса, мощным голосом прерывая аплодисменты.

Орбели — большой знаток и тонкий ценитель грузинского искусства и литературы. В Ленинград часто приезжали грузинские писатели: М. Джавахишвили, Г. Табидзе, Г. Леонидзе, Т. Табидзе, С. Чиковани, И. Гришашвили, В. Гаприндашвили, К. Чичинадзе и др. Они приходили в Эрмитаж, встречались с Орбели, который принимал их сердечно.

К 100-летию со дня смерти А. С. Пушкина Ленфильм готовил звуковой художественный фильм «Путешествие в Арзрум» по сценарию М. Блеймана и Зильберштейна. Режиссером был М. Левин. Много раз приходили с Ленфильма на консультацию к Орбели, и он всегда помогал.

Как известно, Орбели принял активное участие и в проведении самого юбилея Пушкина, а на торжественном заседании выступил с докладом «Пушкин и грузинская литература», который опубликован.

В 1936 и 1937 гг. были переведены в Москву Президиум и ряд институтов АН. Академикам приходилось ездить туда и обратно. Я не раз был свидетелем того, как Орбели выезжал после службы в Москву, а оттуда прямо с поезда являлся на службу.

На одном из собраний АН говорилось о «капризных» академиках. Орбели выступил и сказал: «Советская власть кочующим курдам дала оседлую жизнь, а академики начали кочевать между Ленинградом и Москвой. Я с братом встречаюсь больше в поезде, чем дома. Но дело требует ездить — надо ездить».

Надо положить конец капризам и так организовать работу, чтобы она не страдала, выполнялась не формально, а по существу».

Трудно передать словами, сколько энергии и времени потратил И. А. Орбели на юбилейные издания Руставели. Этот академик просиживал часами даже в типографии, куда обычно и редакторы не заходят.

Большой знаток типографского дела и искусный издатель, Орбели приходил в типографию затемно, как только открывались ее двери, и не уходил, пока все не исправят так, как он находил нужным.

Тогда же Иосиф Абгарович подарил мне книгу «Вопросы и решения вардапета Анания Ширакаци, армянского математика VII века. Издал и перевел И. А. Орбели, Петроград, 1918». На ее предпоследней

странице в заметке «От наборщика» сказано: «Книга эта набрана в декабре 1917 года в типографии Российской Академии Наук собственноручно мною. Иосифом Орбели; набор мною же исправлен, сверстан и одет рамками».

К сожалению, не вышла книга «Афоризмы Руставели», набранная в конце 1937 г. в той же типографии с параллельными (слева—грузинским, справа—русским) текстами и иллюстрациями смысла афоризмов, которая под редакцией Орбели должна была выйти в образцовом виде.

Близились дни юбилейных торжеств Руставели. В Тбилиси собиралась выехать делегация АН в составе: председателя юбилейного комитета акад. И. А. Орбели, проф. В. Ф. Шишмарева, проф. К. Д. Дондуа и автора этих строк. Перед самым отъездом выяснилось, что Орбели не может выехать. Получили телеграмму от президента АН акад. В. Л. Комарова: «Необходимо поднять вес делегации на юбилей Руставели». Орбели шутя мне сказал: «В делегацию пусть включают Василия Васильевича (Акад. В. В. Струве.—И. М.) и вес его подымится сразу на 8 пудов». (В. В. Струве был крупного телосложения.)

Выехали акад. И. И. Мещанинов, акад. В. В. Струве, проф. Шишмарев и автор этих строк. Я вез с собой предварительно подготовленные 200 экземпляров поэмы Руставели в переводе П. Петренко и проявил неосторожность, подарив один экземпляр акад. И. К. Лупполу. Начали просить по экземпляру и другие знакомые, но их просьбу я выполнить не мог, так как должен был доставить книги председателю Совета Народных комиссаров Грузии. Все хвалили хорошо продуманное предисловие И. А. Орбели и высокую культуру издания.

На следующее по приезду в Тбилиси утро читаем в газете: «Акад. И. А. Орбели о русском переводе «Витязя в тигровой шкуре». В статье говорилось о работе переводчика П. Петренко и художника С. Кобуладзе. (Кстати, С. Кобуладзе при консультации Орбели создал портрет Руставели и иллюстрации к его поэме, а также юбилейному изданию памятника древнерусской литературы «Слова о полку Игореве»).

Через четыре дня в газете «Комунисти» появилась статья Орбели «Шота Руставели в трудах Марра». В том же номере была помещена статья собственного корреспондента газеты, в которой сообщалось о том, что в эти дни в Ленинградской радиостудии, лекторнуме, на фабриках и заводах, в Выборгском доме культуры, в войсковых частях акад. И. А. Орбели выступает с очень содержательными и интересными докладами о жизни и творчестве Руставели.

Такое же внимание Орбели проявил к грузинскому театру, когда последний приехал в Ленинград в 1933 г. Орбели и автора этих строк вызвали в Горком партии. С. М. Киров попросил Иосифа Абгаровича, чтобы он гостей приветствовал на площади Московского вокзала. На митинге Орбели выступил со свойственной ему яркой речью, а после присутствовал на спектакле театра и труппу пригласил в Эрмитаж, где дал высокую оценку работе замечательного режиссера Сандро Ахметем.

После выхода моей книги «Руставели и фольклор» (1960 г.), я но-

скал в Ленинград, а по прибытии туда сразу же пошел в Институт, директором которого был Орбели. Он оказался один в своем кабинете, что случалось редко. Не могу описать теплоту и душевность этой встречи.

Орбели всегда носил бороду, но такой длинной я раньше никогда не видел. Она покрывала его грудь, расстилаясь почти до плеч! Орбели улыбнулся: «Боюсь, при том очень занят. Полгода как не был у парикмахера».

Рис. 2. Прием И. А. Орбели президента республики Индии Раджандр Прасада.

После приятной беседы я рассказал ему о моем намерении, что, если по его мнению, моя новая книга заслуживает того, хочу ее представить на соискание докторской степени и, заметил я, буду весьма польщен, если он согласится быть оппонентом в Тбилиси. Орбели выразил готовность, но сказал, что выехать он вряд ли может. Однако, когда я на следующий день пришел в институт, Иосиф Абгарович диктовал секретарше отзыв на мою работу.

В тот же мой приезд в Ленинград в Доме приезжих ученых, где я остановился, мне передали: «Вас вызывает академик Орбели» Иду. С трудом прохожу через кортеж. Перед зданием Института народов Азии АН среди группы товарищей стоит Орбели в ожидании президента республики Индии Раджандр Прасада.

Приехали гости. Орбели повел их в роскошный зал библиотеки, где были выставлены индийские рукописи и соответствующие книги из богатейших фондов этого института. Гости осмотрели выставку. Орбели пригласил их к накрытому столу и произнес приветственную речь. В ответной речи Р. Прасад сказал, что он очень ценит советско-индийскую дружбу; с XVIII в. развивается в России индология, русские ученые дали много ценных работ. В заключение он выразил желание, чтобы советские ученые ускорили изучение современной Индии и поблагодарил за радушный прием.

От имени коллектива института директор преподнес президенту Индии новые труды советских индологов и дореволюционное издание

Рис. 3. И. А. Орбели с сыном Дмитрием (снимок 1949 г.).

шеститомного словаря санскритского языка, являющегося библиографической редкостью.

Гостей Орбели проводил до автомобилей и вернулся в институт. А примерно через час ему звонят из Ленисполкома, благодарят за умелый прием гостей и приглашают на банкет в честь президента Индии. Орбели благодарит за приглашение, но идти отказывается: «Я ничего банкетного не ем, зачем отбивать аппетит у других!»

И. А. Орбели пригласил на свою дачу сотрудницу московского индийского журнала Э. Г. Светланову и меня. Мы поехали.

На следующее утро Орбели диктует Светлановой статью об индийском искусстве, которая была напечатана в Москве и в 14 газетах Индии.

Иосиф Абгарович был очень нежным отцом. «Самое большое счастье в семье — это ребенок», — говорил он, лаская своего единственного сына, которого он называл Митей¹.

На даче перед домом рос молоденький дубок. Я хотел снять с него завядший лист. Орбели удержал мою руку и сказал: «Здесь Митя зарыл желудь, вот и растет это дерево. Его трогать нельзя, потому оно и огорожено».

Митя попросился на рыбалку. Приехали на речку. Иосиф Абгарович ходит по берегу, курит и ликует, как только увидит, что сын поднимает удочку с рыбкой. Улов на ершей оказался богатым. Вернулись домой и обрадовали кошек Дмитрия.

Иосиф Абгарович любил крепкий чай, пил его и на службе, любил папиросы «Казбек», курил много.

Когда Митя ушел спать, мы еще долго сидели. Орбели рассказывал о юбилее армянского народного эпоса «Давид Сасунский», о выступавших на торжестве гостях, о том, как банкет в Ереване превратился в торжество дружбы народов Закавказья и многонациональной нашей родины. «Я всегда, — сказал И. А. Орбели, — вращался среди людей разных народностей и национальностей. Все они для меня дороги».

Вновь зашла речь о переиздании работ Н. Я. Марра. Вот общее содержание наших бесед на эту тему. И. А. Орбели в Президиуме АН СССР весной 1960 г. вел переговоры об организации всех (изданных и рукописных) работ Н. Я. Марра. Это мероприятие он намеревался осуществить по линии координации тематики работ трех академий наук — Всесоюзной, Армянской и Грузинской, — причем от хронологического принципа допускал отклонение лишь сугубо тематическое, например, «Сборники притч Вардана» или работы о Руставели и его творчестве, вопросы армянской грамматики и вопросы грузинской грамматики и т. д. должны были быть объединены в специальные тома.

В сентябре 1960 г. я вновь в Ленинграде у Орбели.

«Приглашен, — говорит он, — и если сумею, поеду на празднества 40-летия Советской Армении. Возможно и сына возьму с собой. На обратном пути остановлюсь в Тбилиси. Если вы сможете, поедем с нами на «Арх и е л и с г о р а» (Архиерейская гора). Я спросил, где она находится. Орбели улыбнулся: «Вы молоды. Так она при мне называлась. Это в Кутаиси, холм Баграта. Перед смертью хочется навестить места моего детства».

Пришло время прощаться. Мы с Иосифом Абгаровичем расцеловались.

Разве мог я тогда подумать, что это моя последняя встреча с дорогим старшим другом.

¹ Дмитрий Иосифович Орбели — физиолог — внезапно умер в возрасте 25 лет 10 сентября 1971 г., а его мать, Антонина Николаевна — искусствовед, — умерла 17 марта 1969 г. в возрасте 62 лет.